

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 8.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 22 ДНЯ,

1858 ГОДА.

СКУЛЬПТОРЪ ДЕ-КОАЗЕВОКЪ.

Р а з с к а з ъ (').

(Посвящается П. Г. Гильдичу.)

Въ концѣ XVII столѣтія, во Франціи жили два талантливыхъ художника: одинъ скульпторъ, другой музыкантъ. — Скульпторъ въ короткое время успѣлъ приобрести себѣ обширную извѣстность. Онъ украсилъ, въ Са-

вернѣ, дворецъ кардинала де-Фюрстембергъ; удивительно-искусно устроилъ гробницу Мазарини; многія его произведенія составляли украшеніе королевскихъ замковъ; онъ былъ канцлеромъ академіи художествъ: имя его было Антоній де-Коазевокъ.

Музыкантъ, котораго талантъ ограничивается лишь отчетливою игрою на какомъ нибудь инструментѣ, можетъ, безъ сомнѣнія, заживо составить себѣ нѣкотораго рода славу; но такъ какъ онъ часто ничего не завыщаетъ потомству, то и послѣсмертная память о немъ обыкновенно бываетъ недолговѣчна. Такъ, исторія намъ сохранила смутное воспоминаніе о Габріелѣ Десмарѣ, который, однакожъ, былъ первымъ флейтистомъ въ оркестрѣ, устроенномъ Люлли.

Габріель Десмаръ жилъ насупротивъ скромной квартиры Коазевока; не смотря на то,

(') Заимствованъ изъ Литературнаго Альманаха за 1856 годъ, издаваемаго Жюль-Жаненомъ.

скульпторъ, постоянно работая въ своей уединенной мастерской, не слышалъ мелодическихъ звуковъ флейты Габріеля, заглушаемыхъ ударами своего молота; Габріель, въ свою очередь, не обращалъ вниманія на занятія скульптора; но въ жилищѣ Коазевока скрывалось существо, на душу котораго обаятельно дѣйствовала художественная игра Десмара.

Нашъ Скульпторъ-академикъ имѣлъ племянницу, которая жила у него подъ опекою. Семнадцати лѣтъ, стройная и привлекательная, съ черными какъ смоль волосами, съ черными же искрящимися глазами, Маріанна, между прочими достоинствами, обладала однимъ замѣчательнѣйшимъ—неодолимою страстію къ музыкѣ. Не мѣшаетъ прибавить, что музыка представляла единственное развлеченіе для молодой дѣвушки, за нравственностію которой строго слѣдилъ неусыпный опекунъ, державшій ее въ заперти. Скульптору казалось, что строгостию вѣрнѣе всего можно достигнуть цѣли, т. е. предохранить племянницу отъ всякаго соблазна и порока. Такимъ образомъ, бѣдная Маріанна, кромѣ прогулокъ въ Тюльери, вмѣстѣ съ дядею, не знала никакихъ другихъ увеселеній и забавъ, столь свойственныхъ юности. Руководѣе, три-четыре ласковыя слова опекуна за завтракомъ и обѣдомъ, безконечныя воздушныя замки, которые безнаказанно строила представительная сила ея дѣвственнаго воображенія, раздражаемаго старою служанкою Николь:—вотъ условія, изъ которыхъ незатѣйливо слагалось однообразное прозябаніе затворницы.

Послѣ того неудивительно, что Маріанна такъ пристально прислушивалась и воспринимала въ себя сладостныя и трогательныя звуки флейты Габріеля. Она погружалась въ какое-то самозабвеніе, когда раздавались эти звуки, и роняла все изъ рукъ своихъ; ея взоръ становился неотразимъ; голова держалась прямо и неподвижно: она скрѣпляла свое дыханіе, словно боялась проронить одинъ

отголосокъ этой невыразимо-упоительной мелодіи. Иногда даже, особенно когда старой служанки не было дома, она рѣшалась открывать окно и такимъ образомъ думала какъ бы сократить разстояніе, отдѣляющее ее отъ таинственнаго музыканта. Впрочемъ, Николь вовсе не была опасна для Маріанны; напротивъ, она безогвѣтно была предана своей молодой госпожѣ и дѣйствовала съ нею заодно; но Маріанна не хотѣла доводить до крайности своей довѣрчивости. Старая служанка была вооружена особеннымъ даромъ наблюдательности, которымъ, какъ извѣстно, почти всѣ устарѣлыя дѣвы богато надѣлены отъ природы; разумѣется, иная больше, иная меньше.

—Вотъ что странно, говорила Николь, лишь только сосѣдъ начинаетъ разыгрывать на флейтѣ, какъ ужъ наша госпожа перестаетъ работать, и едва успѣю я выйти изъ комнаты, какъ ей душно и она отърываетъ окно, что бы освѣжиться вѣтриннымъ воздухомъ! Да, въ этомъ молодомъ сердцѣ затаены такія чувства, которыя отъ меня долго не могутъ быть скрываемы; когда сосудъ полонъ, тогда жидкость, его наполняющая, непременно должна выступить черезъ край; такъ и въ любви сердце еще неопытной и малосвѣтской дѣвушки не можетъ не сказаться наружу, не можетъ не переполниться.

Маріанна догадывалась, что ея тайна не ускользнула отъ зоркой Николь. При всѣхъ предосторожностяхъ Маріанны, укрывавшейся, такъ сказать, въ засадѣ, Габріель скоро замѣтилъ, что его игра возбуждаетъ сочувствіе въ прекрасномъ существѣ. Онъ съ своей стороны, сталъ чаще открывать окно, какъ будто для того, что бы дышать свѣжимъ воздухомъ; онъ сидѣлъ у окна съ флейтою въ рукахъ, мастерски исполняя выбранныя пьесы. Съ этихъ поръ онъ приложилъ къ своей игрѣ необыкновенное стараніе, началъ быстро, хотя и тщательно изучать лучшіе музыкальные отрывки съ тѣмъ, что бы играть ихъ у окна. И почему знать, что игра

подъ окномъ не поглощала всего его таланта и всей души его! Весьма естественное стремление выставить себя на показъ предъ загадочнымъ слушателемъ.

Часто случалось, что нашъ артистъ и его дорогой слушатель въ одну пору открывали каждый свое окно, и, опершись на балконъ, разсматривали окружающіе ихъ предметы; но они не смѣли взглянуть другъ на друга: казалось, Габріель истощалъ все свое вниманіе на то, что бы узнать, откуда дуетъ вѣтеръ, а Маріанна слѣдила взорами за прохожими, которые изрѣдка показывались на улицѣ. Наконецъ, ихъ взоры случайно встрѣтились, и въ юныхъ сердцахъ ихъ въ одно мгновеніе почувствовалось ощущеніе, подобное отраженію электрической искры. Маріанна покраснѣла до ушей, какъ ягода, и мгновенно исчезла; внутренно она положила себѣ зарокъ не подходить впередъ къ опасному окну и быть благоразумнѣе; но на другой же день она не утерпѣла, опять вышла на балконъ и устала свои пламенные глаза на музыканта; на этотъ разъ просидѣла дольше подъ окномъ, чувствуя въ себѣ больше смѣлости, и уже очень неохотно оставила свое любимое мѣсто. Габріель, желая скорѣе разрѣшить такое двусмысленное положеніе, осмѣлился послать ей привѣтъ, на который Маріанна считала невѣжливостію не отвѣчать изъясненіемъ почтенія и обворожительнымъ наклоненіемъ своей головки. И такъ, наши знакомые незнакомцы неощутительно достигли до другого берега Рубикона; иными словами, они очутились на противоположной сторонѣ Прута.

Но съ этого времени для Маріанны и Габріеля настали величайшія препятствія. Писать? Габріель не отваживался: онъ страшился, что бы Маріанна не подверглась пыткамъ, если бы ихъ связь обнаружилась. Говорить? напрасно онъ старался улучшить благопріятную для того минуту; Маріанна только по воскресеньямъ выходила изъ дому, и то вмѣстѣ съ дядею. Трудно представить себѣ, сколько

замысловъ и плановъ роилось въ отуманенной головѣ Габріеля, крѣпко томившагося своимъ одиночествомъ. Онъ живо ощущалъ потребность сблизиться съ Маріанною, образомъ которой всюду преслѣдовалъ его. Скажемъ, для сохраненія исторической достоверности, что Маріанна также мучилась неизвѣстностью и никакъ не могла разгадать, что именно предпринимаетъ Габріель, озабоченный чѣмъ-то важнымъ и по-прежнему привѣтливый.

Скульпторъ, по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, не меньше своей племянницы былъ занятъ мыслію объ игрокѣ на флейтѣ.

Въ саду Тюльери, близъ дворца, неподалеку отъ рѣшетки, выходящей на улицу Риволи, всѣ и каждый удивлялся дивной мраморной группѣ Фавна, играющаго на флейтѣ. Всѣ помыслы Коазевока были тогда обращены въ созерцаніе этого сокровища. Знаменитый артистъ достигъ той зрѣлости таланта, той степени славы, когда изъ полъ его рѣзца уже не должны были являться произведенія благодатной срединны. Убѣжденный въ этой истинѣ, и къ тому же до энтузіазма преданный своему искусству, онъ неуклонно слѣдовалъ правилу своего современника Боало. —

«Vingt fois sur le métiers remettre votre ouvrage;

«Polissez le sans cesse et le repolissez»

(Двадцать разъ передѣлывайте свое произведеніе; отдѣлывайте его безпрестанно и снова отдѣлывайте).

Очень взыскательный къ самому себѣ, Коазевокъ часто передѣлывалъ свои вчерашнюю работу на другой же день: то ему казалось, что положенію Фавна не доставало естественности и небрежности; то онъ хотѣлъ дать рукѣ, ногѣ болѣе близкую къ дѣйствительности позу, движеніе болѣе гибкое. Но пуще всего заставляла его отчаяваться голова. Вообще, игра Фавна на флейтѣ безъ чрезмѣрнаго на-

пряженія мускуловъ и вздуванія щекъ была въ большую рѣдкость. И здѣсь-то заключалась вся загадка, которой нужно было найти разгадку, хотя чѣмъ далѣе Коазевокъ подвигался впередъ, тѣмъ менѣе было надежды на успѣхъ. Всѣ его усилія создали не что иное какъ обыкновенную карриватуру. Вся погрѣшность происходила отъ образцевъ, которыми онъ подражалъ.

Люди, которые, сами не играя, могутъ, однакожъ, судить о музыкѣ, находили въ играющемъ на флейтѣ Фавнѣ несчетное число недостатковъ. Скульпторъ превосходилъ образцы. Утромъ вставши, вечеромъ ложась спать, и особенно во время роздыха, при Маріаннѣ, мечтавшей совсѣмъ о другомъ, и при своей служанкѣ, простосердечно принимавшей участіе въ его неудачѣ, скульпторъ распространялся въ жалобахъ, безъ умолку восклицая:

Чортъ возьми! первое условіе, необходимое для отчетливости этого труда, есть умѣнье играть на флейтѣ.

Въ такомъ состояніи духа находилось семейство скульптора въ тотъ день, когда нечаянно случилось происшествіе, послужившее предметомъ этого разсказа.

Въ тотъ день, спозаранку, на улицѣ Мазаринъ можно было увидѣть тоже явленіе, тѣ же движенія и приемы, которые однаково продолжались цѣлый мѣсяцъ. Оба окна открылись, ярче и шире стала разливаться мелодія, восхищавшая и вѣжившая тонкій слухъ дѣвицы-отшельницы; потомъ у оконъ показались Маріанна и Габріель; потомъ они обмѣнялись привычными привѣтствіями. У Маріанны былъ букетъ розъ, которыя, можно было подумать, она изучала со всею любознательностію ботаника. Вдругъ она уронила изъ рукъ этотъ букетъ, быть можетъ, и намѣренно, мудрено рѣшать. Но мы не вправе взводить подобной напраслины на нашу прелестную сиротку. Вѣрнѣе всего то, что Габріель съ быстротою молніи соскочилъ съ своего окна и поднялъ букетъ. Возвращаясь къ себѣ, онъ не могъ наглядѣться на чудный букетъ и осыпалъ его горячими поцѣлуями. Вслѣдъ за этимъ Маріанна пропала въ глубинѣ своей комнаты.

Вдоволь налюбовавшись на роскошный букетъ, надивившись ему отъ всей души,—души, въ которой ярко ложатся всѣ впечатлѣнія, Габріель противъ воли погрузился въ раздумье. Неустрашимая мысль блеснула въ его головѣ, когда онъ замѣтилъ, что скульпторъ вышелъ изъ дому, и направилъ свой путь вдоль по улицѣ Мазаринъ.

Коазевокъ, вопреки своему обыкновенію, такъ рано уходилъ со двора съ цѣлью сдѣлать порядочную прогулку. Онъ, вставши на разсвѣтѣ, заперся въ своей мастерской и усердно занимался отдышкою Фавна, того самаго Фавна, который произвелъ въ немъ столь сильную внутреннюю тревогу; онъ совершалъ этотъ трудъ помимо образцевъ, стремясь осуществить однажды залуманный планъ. Какое-то лихорадочное волненіе объяло все его существо, и рѣзецъ въ его рукѣ, по которой пробѣгала нервная дрожь, потерялъ всякую твердость и мѣткость.

До усталости пораженный новыми неудачами, глубоко взволнованный скульпторъ принужденъ былъ поспѣшить на берегъ Сены, чтобы тамъ подышать свободнымъ рѣчнымъ воздухомъ.

Старая Николь еще не спохватилась отъ удивленія, вызваннаго въ ней странною выходкою Коазевока, какъ услышала чей-то стукъ у двери. Она отперла дверь и лицомъ къ лицу столкнулась съ Габріелемъ, неизъяснимо смущеннымъ и встревоженнымъ.

Новый предметъ удивленія для старой служанки, которая не могла не узнать своего сосѣда, славнаго игрока на флейтѣ.

—Что вамъ угодно, сударь?

Габріель показалъ ей букетъ розъ и пробормоталъ: вотъ цвѣты, которые я... она...

—Вы, конечно, ошиблись; у насъ не въ обычаѣ принимать букеты.

—Э! Боже мой! возразилъ Габріель, ободренный добротою, которая видимо отражалась на лицѣ Николь, я только возвращаю чужую собственность.

—Возвращаете!

—Ваша молодая госпожа, нѣсколько минутъ тому, сидѣла у своего окна и нечаянно обронила этотъ букетъ; онъ ей принадлежитъ.

—Очень хорошо, я понимаю: вы, сударь, съ ловкостію молодого человѣка подняли этотъ букетъ и теперь, пользуясь отсутствіемъ нашего хозяина, явились сюда.

Улыбка, съ которою было сдѣлано это замѣчаніе, была очень отрадна.

Габріель, не зная что отвѣчать, бросилъ на хитрую Николь умоляющій взоръ.

Отъ радости Габріель чуть-чуть не задушилъ старой служанки въ своихъ объятіяхъ.

Въ эту минуту послышались шаги за дверью, и вдругъ вошелъ Коазевокъ.

—Сударь! нашъ хозяинъ за дверью, воскликнула Николь.

—Куда-же мнѣ спрятаться?

Но уже было поздно.

Коазевокъ, при видѣ молодого человѣка, остолебенѣлъ отъ досады.

Габріель не зналъ, какъ спастись. Но опытная и находчивая Николь тутъ же измыслила средство отклонить угрожающую всѣмъ имъ опасность.

—Чему обязанъ я посѣщеніемъ вашимъ, милостивый государь?

Габріель наклонилъ голову и не находилъ, что сказать скульптору въ отвѣтъ.

Изобрѣтательное воображеніе Николь вывело его изъ затруднительнаго положенія.

—Да, сударь, я готова спорить до слезъ, что причина, по которой очутился здѣсь молодой человѣкъ, вполне основательна и для васъ полезна.

—Вы нѣсколько разъ жаловались, что вашему Фавну не достаетъ умѣнья играть на флейтѣ. Вотъ вамъ живой образецъ!

—Какъ такъ? спросилъ изумленный скульпторъ.

—Это бѣдный молодой человѣкъ, ищущій себѣ какой нибудь должности, котораго мнѣ совѣтовали порекомендовать вамъ; какъ онъ отлично играетъ на флейтѣ, то я предложила ему быть вамъ образцомъ; за нѣсколько минутъ до вашего прихода онъ уже готовъ былъ изъяснить согласіе.

Габріель на все это отвѣчалъ утвердительно; онъ совершенно былъ доволенъ находчивостію Николь, оказавшей ему неоплатную услугу.

—Чортъ возьми! Николь, воскликнулъ Коазевокъ, ты мастерски спроворила дѣло!

—А! вы умѣете играть на флейтѣ, мой другъ, и хотите съ пользою употреблять время. Я васъ оставляю у себя на сегодня, на завтра, на восемь дней; я вамъ доставлю обширное поле дѣятельности; я васъ познакомлю со всѣми моими собратами. Словомъ, имя ваше сдѣлается достояніемъ широкоустой молвы.

—Я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Габріель.

—И такъ! безъ обиняковъ приступимъ къ дѣлу. Ваше появленіе вносить въ мою душу новыя, свѣжія силы.

Габріель несказанно обрадовался приглашенію скульптора; онъ надѣлся встрѣтить здѣсь свою Маріанну.

Погибла надежда! уже нѣсколько дней длится ихъ работа, а хоть бы муха прилетѣла въ мастерскую. Статуи и другія принадлежности мастерской скульптора:—вотъ предметы, со всѣхъ сторонъ обступавшіе Габріеля.

—Николь не замедлитъ предупредить Маріанну, думалъ Габріель, и я утѣренъ, она придетъ сюда.

Габріель сидѣлъ на небольшой скамьѣ, противъ Фавна. Коазевокъ заставилъ музыканта играть, взявъ въ одну руку молотокъ, въ другую рѣзецъ и всячески старался подражать живому образцу.

—Проваль! меня возьми! я воскресъ изъ мертвыхъ! О! если мы не произведемъ сокровища, то пропади все наше скульпторное искусство! кричалъ восторженный скульпторъ.

Хорошенько рассмотрѣвъ модель, скульпторъ величественнымъ тономъ произнесъ:

—Играйте!

Габріель повиновался. Онъ началъ играть арію изъ оперы Ацисъ.

—Божественная музыка! сказалъ Коазевокъ. Это сочиненіе нашего пріятеля Люлли.

Никогда еще не былъ такъ счастливъ скульпторъ; не прелесть музыки его очаровывала, но блистательное осуществленіе завѣтной мечты его.

—Превосходно! неподражаемо! продолжайте! Непостижимо возростало вдохновеніе скульптора; казалось, онъ безраздѣльно углубился въ тайны своего искусства.

Габріель терялъ терпѣніе, движимый совершенно противными чувствами; онъ даже сталъ громко роптать.

Но скульпторъ, именемъ всего святого, заклиная его не гасить священный огонь и продолжать игру на флейтѣ.

Габріель заигралъ арію изъ Ациса и Галатеи. —Отлично, право! И это Люлли сочинилъ. Ни дать ни взять! молодой человекъ, съ помощію Божіею и вашею, я слѣбуюсь такимъ же славнымъ скульпторомъ, какъ Люлли великій музыкантъ!

Между тѣмъ отдѣлка Фавна становилась болѣе и болѣе художественною.

Послѣ Ациса и Галатеи Габріель сыгралъ арію изъ оперы Прозерпина; потомъ исполнилъ Беллерофона, Персея, Фазтона. Словомъ сказать, онъ преигралъ всѣ оперы Люлли. — Терпѣніе Десмара уже совершенно лопнуло; отъ усиленной игры у него надрывались легкія; онъ игралъ шесть часовъ не переставая! Когда же будетъ конецъ, вѣщающій дѣло?

Неистовый скульпторъ не унимался: еще! мой другъ! болѣе! три юп, если хотите, за ваши труды! Неугомимый музыкантъ сыгралъ еще три оперы Люлли: Психею, Амадиса и Роланда.

Сельмой часъ на исходѣ. Вдругъ скульпторъ выбѣгаетъ изъ мастерской и зоветъ къ

себѣ свою племянницу. Скорѣ сюда, моя племянница! сюда Николь!

Нельзя описать, какъ подѣйствовало на Габріеля это неожиданное обстоятельство. По всему было видно, что Маріанна во все продолженіе игры была недалеко отъ мастерской. Коазевокъ, въ первые минуты своего не удержимаго восторга, обнималъ старую служанку и благодарилъ ее за безцѣнную находку.

—И такъ, мои милыя Маріанна и Николь, теперь я спасенъ; слава обо мнѣ, какъ о знаменитомъ скульпторѣ, откланится во всѣхъ концахъ вселенной!

Загѣмъ онъ поторопился сгладить еще нѣкоторыя неровности, подмѣченныя имъ на Фавнѣ.

Габріель, вдохновенно настроенный присутствіемъ Маріанны, опять сталъ играть; его инструментъ издавалъ неземные, сокровенные звуки. Никогда еще Габріель не увлекался такъ ретиво, даже подъ влияніемъ шумныхъ и единодушныхъ рукоплесканій публики. Наконецъ скульпторъ завершилъ свое недосягаемое созданіе, въ послѣдній разъ ударивъ своимъ рѣзцемъ.

Маріанна вся превратилась въ слухъ и вниманіе. Неизобразима была картина, которую представляли тогда Маріанна и Габріель!

Сила экстаза повергнула скульптора въ изнеможеніе. О! ты артистъ, и артистъ перво-степенный, — такъ привѣтствовалъ Десмара Коазевокъ.

—Хочешь-ли я тебя поставлю неизмѣримо высоко на общественной лѣстницѣ?

Но вдругъ онъ остановился, подумавъ, что, можетъ быть, не того ищетъ Габріель. Онъ хотѣлъ-было заплатить ему деньгами. Артистъ напрямикъ отказался отъ ничтожнаго металла. Послѣ упорной борьбы, Коазевокъ рѣшился доказать на опытѣ, что онъ во что-бы то ни стало долженъ наградить великаго художника. Скульпторъ, безъ дальнихъ околичностей, взялъ руку Маріанны и отдалъ ее Габріелю.

—И такъ, заключилъ Коазевокъ, теперь я могу сказать, что долги платежеймъ красенъ.

Габріель и Маріанна сдѣлались супругами, и игра на флейтѣ еще долго улаждала ихъ; долго они радовались и свѣтло торжествовали побѣду флейты надъ стойкостью неприступнаго скульптора

М. Митровичъ.

Харьковъ, 1858 г.

Къ В..... В.....

Не все часы намъ въ этой жизни
Даны для радости прямой;
Не всемъ вѣкъ суждено до тѣни
Прожить безропотно вѣкъ свой.
Иной скорбитъ все о потерѣ,
Иной о чемъ-то о другомъ,
Тотъ ищетъ утѣшенія въ вѣрѣ,
Другой въ разгулѣ улакомъ....
Ты также стражаешь, также стонешь
Подъ ношей гора и страстей;
Но тайны сердца не откроешь
На судъ безчувственныхъ людей.
Когдажъ въ тиши уединенья
Обсудишь ты коварный свѣтъ,
Въ душѣ родится убѣжденье,
Что въ мѣрѣ этомъ счастья нѣтъ.
Съ улыбкой горькою, съ досадой
Посмотришь ты и въ жизни дадь,
Тамъ манитъ что-то насъ отрадой,
Межъ тѣмъ все грустно, все печаль....
Такъ вотъ къ чему въ сей жизни опытъ
Доводить каждаго порой,
И человекъ свой тяжкій ропотъ
Не кончить здѣсь, борась съ судьбой!
Онъ ищетъ лучшаго, все счастья,
Судьба жъ насмѣшливо глядитъ,
И вмѣсто счастья шлетъ несчастье,
А онъ въ уныніи все скорбать....

Забудь же лучше все невзгоды
И все, чѣмъ тяготился ты,
Когда-нибудь настанутъ годы
Взаимъ всей прежней пустоты!..

Ми.... Н....

Харьковъ.

14 Февраля 1858 г.

КОНЦЕРТЪ, 16 ФЕВРАЛЯ.

Въ воскресенье, 16 февраля, въ залѣ второй харьковской гимназіи, данъ былъ г. Дмитріевымъ концертъ на фортепьяно, въ которомъ участвовали гг. Вильчекъ и Юнкельманъ. Программа концерта: гг. Дмитріевъ и Вильчекъ играли на двухъ фортепьяно сонату As dur, соч. Гуммеля. Г. Дмитріевъ исполнилъ фантазію на темы изъ оперы Семирамида Россини—Тальберга. Г. Юнкельманъ исполнилъ на фисъ-гармоникѣ, вмѣсто обѣщаннаго мелодикона, съ аккомпаниментомъ фортепьяно, двѣ пѣсни безъ словъ—Мендельсона—Бартольди. Г. Дмитріевъ исполнилъ Scherzo Шопэна. Г. Юнкельманъ опять на фисъ-гармоникѣ, а не на мелодиконѣ сыгралъ переложенное имъ анданте изъ 5-й симфоніи Бетговена. Наконецъ, г. Дмитріевъ исполнилъ три пьесы своего сочиненія: а) мазурка, б) Un tour de valse, и в) Souvenir d'un bal (Impromptu).

Выборъ пьесъ, взятыхъ съ лучшихъ страницъ музыкальнаго репертуара, какъ видите, сдѣланъ удачно и отличается замѣчательною разнообразностію. Концертантъ, слѣдовательно, вправѣ былъ рассчитывать на вниманіе образованной публики (подъ которою мы разумѣемъ многочисленныхъ любителей гармоніи и изящнаго и немногихъ знатоковъ